

**АВГУСТ – ОКТЯБРЬ:
ВРЕМЯ ВЫБОРА**

ПОБЕДА!!

22.08.91

Говорят, время находит людей. Изречение известное, почти банальное. Смысл его в том, что когда перед обществом возникает новая историческая задача, появляются люди, способные ее выполнить. В общем это справедливо. С той лишь поправкой, что людей находит не какое-то безликое «время». Людей находят люди. Потом историки судят о времени по этим людям, и судят о них по тому, как они поняли и выполнили предназначения эпохи. Нам, современникам, приходится судить не потом, а сейчас. Поэтому очень важно разобраться — кого мы выбираем, как и почему.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ НА РАЗМЫШЛЕНИЯ

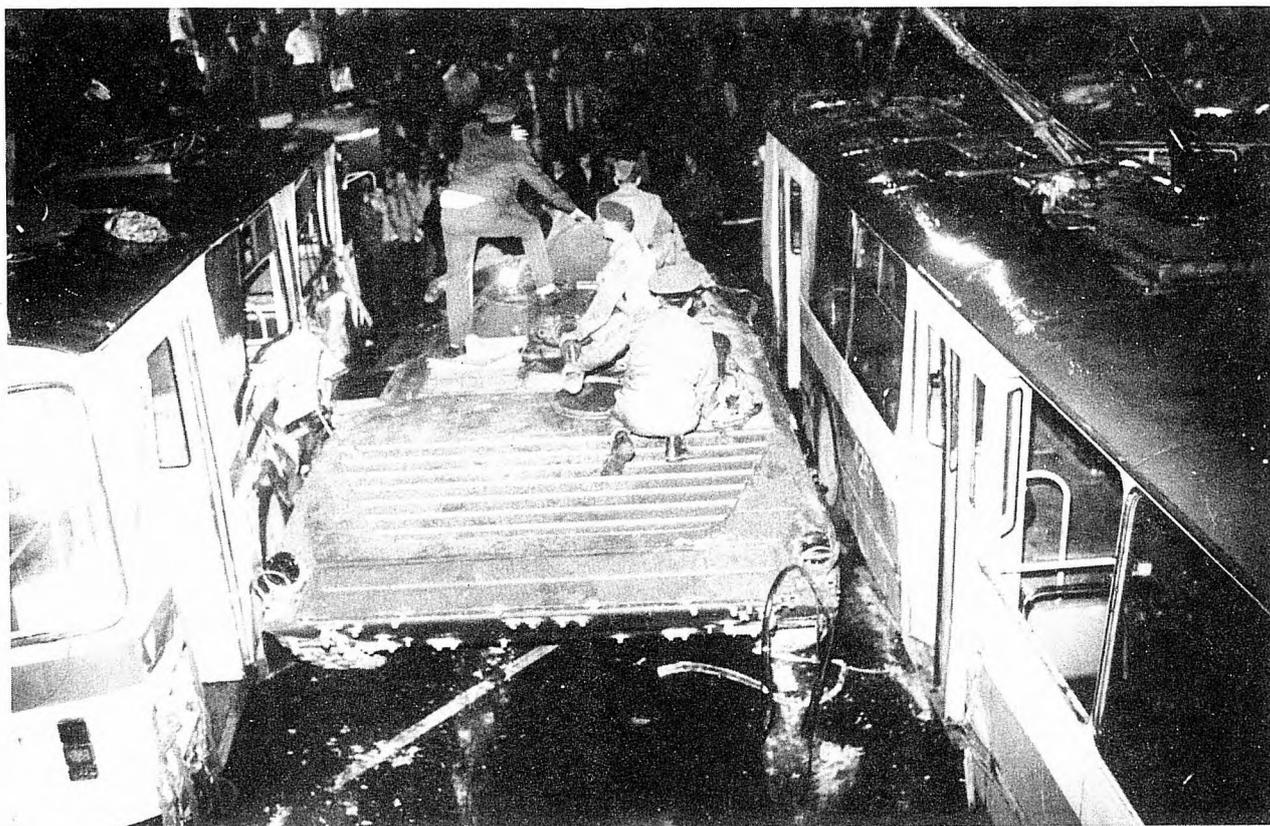
15 августа 1991 года директор Института экономической политики Академии народного хозяйства СССР Егор Тимурович Гайдар получил приглашение войти в состав Государственного совета, только что созданного президентом России Борисом Николаевичем Ельциным.

Директору было тридцать пять лет, что вскоре, когда он занял гораздо более высокий пост, послужило поводом для упреков, основанных на критериях разве что застойного времени, когда шестидесятилетних руководителей считали молодыми. Но ведь бывают и другие критерии.

Тем, кто избирал для ответственной работы Егора Гайдара, приходилось выслушивать и другие упреки. Например, ядовитые суждения о том, что государством руководит журналист. Чаше всего язвили таким образом журналисты же. Не станем разбирать, насколько обосновано такое суждение в принципе — в данном случае оно просто фактически неверно. Егор Гайдар — экономист по образованию и по опыту работы, и экономист серьезный, доктор экономических наук. До первого назначения на высокую государственную должность он девять лет работал в науке, в экономических научно-

исследовательских институтах. Больше всего — под руководством академика Станислава Шаталина, который считает его своим учеником. Три года он работал в печати, в основном — в теоретическом и политическом журнале «Коммунист», куда был приглашен в «перестроечном» 1987 году не за журналистские познания — их у него просто не было, — а за экономические. Взят в свои руки экономический отдел этого журнала и развернуть его в противоположную сторону было соблазнительной возможностью, которую Е. Гайдар использовал в полной мере. Так, «Коммунист» был первым изданием, которое выступило в защиту старательской артели Вадима Туманова, когда на нее ополчились шесть отделов ЦК КПСС и партийная газета.

Был и еще один упрек: теоретик, не знает практики. Что правда, то правда. Егор Гайдар не стоял у станка, не руководил заводом. Но ведь ему и не поручалось руководить производством. Ему было поручено руководить экономической реформой, переходом к рыночной экономике от прежней планово-распределительной. Опыта такой работы не имел ни один житель России. И лишь немногие — Е. Гайдар в том числе — изучали эту проблему теоретически. Можно еще доба-

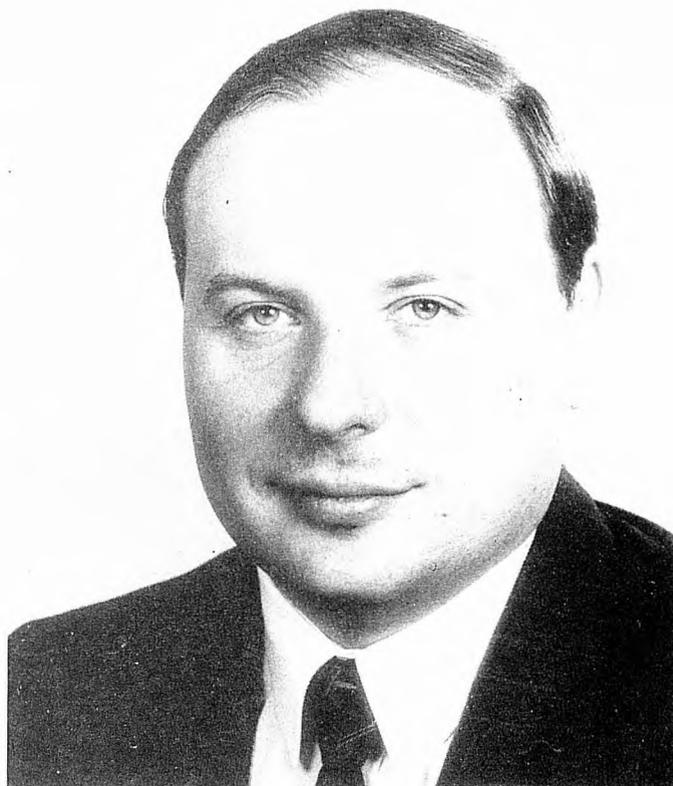
В ночь на 21 августа

Утром 21 августа

вить, что Россию привела в состояние экономической комы длинная череда блестящих практиков планового хозяйства.

Впрочем, все эти размышления должны были возникнуть не в августе 1991 года, а несколько позднее, когда решался вопрос о назначении Е. Гайдара вице-премьером, и возникать они должны были не у него, а у тех, кто его приглашал. Б. Ельцин был президентом РСФСР, всенародно избранным руководителем государства с неизвестным в тот момент статусом, республикой в составе СССР, который пятью днями позже должен был быть преобразован в нечто новое в результате готовившегося подписания Новоогаревского договора. Сильный и несомненно самый популярный в России политик, Б. Ельцин решительно проводил демократические реформы в политике, столь же решительно высказывался за рыночные реформы в экономике и одновременно давал социальные обещания, никак не совместимые с рыночными преобразованиями и, главное, явно невыполнимые на взгляд экономиста. Во главе правительства он поставил Ивана Силаева, едва ли понимавшего, что такое рыночные реформы и окружившего себя людьми весьма пестрой квалификации и разных взглядов на пути выхода из кризиса. Наиболее грамотные и последовательные экономисты-рыночники, например министр финансов Борис Федоров, из правительства Силаева ушли. Получив в этих условиях приглашение стать государственным советником, Е. Гайдар ответил, что должен подумать. Ни он, ни те, кто его приглашал, не знали, что на свободные размышления осталось четыре дня.

Директор Института экономической политики

КОНЕЦ И НАЧАЛО

19 августа 1991 года вдруг стало ясно, что размышлять особенно не о чем. Стало ясно, что в России есть только одна сила, способная сохранить саму возможность нормального демократического существования — не говоря уж о проведении реформ. Другие соображения перед лицом этого очевидного факта не имели значения. В первый день путча Егор Гайдар позвонил в Белый дом и сказал, что готов выполнять любую работу, которую ему поручит президент. А затем повел свой небольшой институт к зданию парламента России.

Потом была победа и ясное понимание того, что это не конец, а только начало самого трудного, что предстоит сделать России. Наступила озадачившая многих, до сих пор толком не объясненная пауза, в течение которой, казалось, ничего не происходило, хотя на самом деле, вероятно, происходило что-то важное. Не могло не происходить, потому что путч и его разгром изменили всю политическую картину, и нужно было разобраться, как жить дальше. В конце сентября президент пригласил директора Института экономической политики и долго с ним беседовал, выясняя, как он представляет себе перспективы реформ. Ни о каких назначениях тогда не было сказано ни слова. Однако, 6 ноября 1991 года был подписан указ о назначении Егора Гаидара заместителем председателя правительства РСФСР по вопросам экономической политики.

До тех пор он мог давать советы тем, кто принимал решения. Верность этих советов подтверждалась иногда парадоксальным образом: когда к ним не прислушивались, наступали те самые печальные последствия, о которых он предупреждал. Так, в конце 1988 года он пытался раскрыть глаза руководству страны и всему обществу на неизбежные последствия политики безудержного бюджетного дефицита, которую проводило правительство Н. Рыжкова. Публиковал статьи, писал записки — одна из них дошла до М. Горбачева и обсуждалась на Политбюро. Но ту политику не могли изменить никакие доб-

Президент

Съезд

*Правительство
реформ*

рые советы, потому что за ней стояло не просто непонимание — за ней стояли интересы, кровные интересы тех, кто управлял страной. Чтобы остановить развал денежной системы, надо было отнять часть государственного «пирога» у военно-промышленного комплекса, у индустриальных и колхозно-совхозных монополий. Советы повисли в воздухе, обсуждения в Политбюро ушли в песок, финансовая катастрофа продолжалась до полной гибели рубля, совершившейся как раз к тому моменту, когда ответственность за экономику России была возложена на Е. Гайдара. Теперь он имел возможность сам реализовывать свои рекомендации.

Наверное, в этот момент нужен был именно молодой руководитель, еще не накопивший политического капитала, которым стоило бы дорожить. В первые дни после поворотной даты 2 января 1992 года Е. Гайдар несколько раз заявлял публично, что вполне готов к необходимости через два-три месяца уйти, если потребует. То, что он начал, признавалось почти всеми — в определенной степени и им самим — невыполнимым, и в

воздухе носилось ощущение, что его команда предназначена на политическое заклятие. Е. Гайдар начал с двух дел, каждое из которых в отдельности было способно свалить любую власть из существовавших до того в стране.

Первое из этих дел — либерализация цен. Видимая невозможность ее была вновь подтверждена возникшей не так давно рыночной паникой вследствие того, что Н. Рыжков (смешно вспоминать это сейчас) всего лишь пообещал повысить цены на хлеб, оставив их однако твердыми и по-прежнему копеечными. Второе — сокращение государственного заказа на производство вооружений. Судя по всему, М. Горбачев, так и не объяснивший причин своего рокового и неожиданного для всех отказа от программы «500 дней», отступил именно перед этой задачей, без решения которой «500 дней» были невыполнимы.

Е. Гайдар не только выполнил и то и другое, но и понял очень скоро, что больше не следует говорить про уход через два-три месяца. Это было тем более знаме-

Годовщина победы

нательно, что уже через несколько дней после 2 января по реформаторам был открыт огонь с неожиданной стороны. В первоначальных схемах некоторых политологов драма реформ изображалась как противостояние неразумного народа, готового выйти на улицы с требованиями дешевой колбасы, и мудрых политиков, уговаривающих народ потерпеть ради его собственного блага и дожидаться щедрых плодов рыночной экономики. Вместо этого первыми обрушились на курс реформ политики, получившие от избирателей мандаты в качестве реформаторов и сторонников президента. Главными критиками правительства стали вице-президент и спикер парламента, причем о провале реформ они заговорили через несколько дней после их начала, когда никаких результатов просто не могло быть и, соответственно, оценивать было нечего. В противоположность этому население, столкнувшееся с неведомыми прежде проблемами, переносило тяготы спокойнее, чем можно было ожидать.

Объяснить это можно было только одной причиной. Как только ожили рыночные рычаги, наряду с отрицательным эффектом — ростом цен — стал очевиден эффект положительный: возродилась совсем было умершая торговля, появились товары на прилавках. В тревожном 1991 году все поняли, что когда товаров нет — не так уж важно, по какой цене их нет. Теперь появилась надежда. Реформаторы между тем получили дополнительную возможность убедиться, что им не следует опасаться «неразумного» народа: народ разумен и в большинстве своем хорошо осознает свои интересы. Опасаться следовало политиков, которые хотели нажиться капиталом на предполагаемом

народном неразумии. Чем ближе была весна, чем надежнее развеивались угрозы голодной и холодной зимы, щедро раздававшиеся осенью, тем больше появлялось доброхотов, готовых давать советы правительству и даже — сменить его у руля.

ФАРС ОППОЗИЦИИ

Не оправдались надежды на стихийный взрыв народного возмущения, который сметет правительство, дерзнувшее сделать небывалое за прошедшие шесть десятилетий «планового хозяйства»: отпустить цены. Тем энергичнее противники реформ стали готовиться к организованному политическим действиям, которые позволили бы сместить правительство раньше, чем приватизация сделает реформы необратимыми. Ближайшую возможность для этого давал намеченный на апрель 1992 года шестой съезд народных депутатов России.

В то время еще не оформился открытый блок оппозиции. Еще не прошел шоковый эффект августовского краха реакции. Еще не было вердикта Конституционного суда по «делу КПСС», осторожно развязавшего руки наследникам аппарата КПСС, готовившего путч. Еще сидели в Матросской Тишине члены ГКЧП, и никто не знал, что процесс над ними будет превращен в фарс. Поэтому самые высокопоставленные противники реформ не бросались в открытую атаку, а применяли лукавую тактику. Не признаваясь в открытой оппозиции президенту, они пытались по одному убрать из пра-

вительства наиболее активных реформаторов. Заявлялось также, что они и не против самих рыночных реформ — они только хотели бы проводить эти реформы иначе, гораздо приятней для народа — а конкретное описание этого «иначе» показывало любому непредубежденному специалисту, что речь идет об отказе от перехода к рынку.

Выбирая ответную тактику на шестом съезде, Е. Гайдар первоначально попытался обратиться к разуму выступавших против него депутатов. Он говорил о накапливавшейся годами и десятилетиями инерции процессов развала, порождавшегося неэффективностью безрыночного хозяйства, об инерции, которую невозможно остановить за несколько месяцев. Говорил о сопротивлении тех социальных групп, которые всю жизнь занимались распределением дефицитных ресурсов и предпочитали бы заниматься этим вечно. И показывал, как начавшееся оживление рыночных стимулов позволило все-таки поддержать разрывавшиеся хозяйственные связи, сохранить производство, избежать самого худшего. В заключение доклада Гайдар сказал, что уже сфор-

Последние аргументы

мировались предпосылки для того, чтобы «перейти от вдохновенной мужеством отчаяния кавалерийской атаки к подготовке и реализации широкой программы экономических реформ и реконструкции российской экономики».

Но на шестом съезде правительству противостояли люди, которые как раз и не хотели углубления реформ и реконструкции экономики, потому что в реформированной и реконструированной России они могли бы только работать наравне со всеми, но не могли бы извлекать пожизненные дивиденды из своего должностного положения. Поэтому честного обсуждения реальной политики правительства со всеми ее достижениями и неудачами не было. Были оскорбления, подозрения в неправдоподобных умыслах, прямая неправда — и все это перекрывали громкими голосами взволнованные депутаты, которые может быть вполне искренне говорили о том, что у них наболело, но явно не в силах были разобраться в самом обсуждаемом предмете. Такими депутатами было особенно удобно манипулировать, выдавая их суждения за голос народа.

В заключительном слове после такой дискуссии, коротко опровергнув прямые фактические искажения, Е. Гайдар сказал: «Если суммировать весь набор предложений, которые звучали в этом зале, и попытаться воплотить его в жизнь, то он будет звучать примерно так: нужно увеличить военные расходы, расходы на под-

держку агропромышленного комплекса, расходы на централизованную поддержку строительства, расходы на культуру, расходы на здравоохранение, расходы на образование. И при этом снизить налог на добавленную стоимость, на прибыль, подоходный налог и так далее. Да, можно пойти по этому пути. Вы можете взять и призвать другое правительство и сказать, что нужно так и делать. И все будут довольны. Но потом вы будете смотреть, как разваливается рубль, как замыкаются мелкие региональные рынки, как за развалом финансов идет развал российской экономики, как бешено растут цены. Смотреть и думать: а кто же за все это отвечает? И менять, как перчатки, правительства, которые призваны, видимо, за все это отвечать».

Но действиями съезда руководили те, кому доводы разума не требовались — они прекрасно все понимали, прекрасно знали, чего хотят. Они хотели подчинить себе правительство. И тогда правительство обратилось не к разуму, а к инстинкту противостоявшей толпы. К могучему инстинкту самосохранения. Знаменитый уход правительства с шестого съезда, его заявление об отставке — это был, разумеется, рискованный шаг. Но риск оказался точно рассчитанным. Психическая атака против правительства захлебнулась, и всем стало ясно, что стратегическое превосходство — на стороне реформаторов.

ТОРЖЕСТВО ПОСЛЕ УХОДА

Противники правительства реформ добились своего спустя восемь месяцев. Те, кто хотел реванша, просто не могли дальше откладывать решительный бой, потому что каждый месяц 1992 года приносил не только новые трудности, но и новые подтверждения результативности рыночного переустройства. Достаточно было послушать то, что говорил Е. Гайдар на сессии Верховного Совета в ноябре и на на седьмом съезде народных депутатов в декабре, чтобы понять: накапливаются предпосылки выхода из кризиса, и еще через несколько месяцев сама экономическая ситуация будет голосовать за реформаторов.

Что, например, стояло за криками оппозиции о падении производства? В 1992 году закупки танков за счет средств государственного бюджета были сокращены... нет, не вдвое или втрое, что было бы драматическим, болезненным шагом, который нелегко перенести. Они были сокращены в 34 раза! Закупки полевой артиллерии уменьшились за год в 33 раза, боевых машин пехоты — в 18 раз. Как будто только сейчас, а не 46 лет назад страна вышла из большой войны. При этом в России все еще остается больше танков, чем во всех остальных странах мира, вместе взятых. Прежде чем выйти из кризиса, стране надо было выйти из состояния безумия.

Одновременно исполняющий обязанности премьера сообщал, что за десять первых, самых трудных месяцев реформы, выросло на 30 процентов производство видеомagneтофонов, на 41 процент — производство морозильников, на 26 процентов — производство кухонных комбайнов. Значит, не все только катилось под гору — кое-что и развивалось. Уже перед началом второй зимы реформ никто не пытался пугать, как годом раньше, голодом и холодом: не стали бы слушать. Уже можно было бы сказать и об успехах сельского хозяйства, где урожай зерновых был заметно выше, чем в предыдущем году. Но итоги одного года могли быть случайными, позитивное действие рыночных стимулов на сельское хозяйство стало очевидным следующей осенью, когда после трех десятилетий постыдного для России импорта зерна именно Е. Гайдар первым сказал о возможности возобновления экспорта.

На седьмом съезде, состоявшемся в декабре, план реакции был очевиден с самого начала: или заставить президента отказаться от реальной власти и прежде всего «сдать» правительство реформ, или заставить самого президента уйти. И если у оппозиционного депутатского большинства еще были сомнения в целесообразности такой целевой установки, то речь Е. Гайдара способна была в наибольшей степени эти сомнения развеять. Когда Р. Хасбулатов повторил от своего имени тезис коммунистов-зюгановцев о якобы существующем и жизненно важном для России выборе между американской и скандинавской моделями экономики, Е. Гайдар позволил себе не спорить всерьез, а просто высмеять любящего похвалиться экономическими научными степенями и званиями спикера. Что более существенно: он позволил себе основное внимание в речи сосредоточить не на рассказе об успехах, а на анализе ошибок своего правительства и путей их исправления. Наконец, он позволил себе уверенно и конкретно говорить о планах правительства по углублению и развитию реформ в следующем, 1993 году. Опасность момента для желающих реванша не вызвала сомнений.

Нет надобности подробно описывать все происшедшее дальше, потому что вряд ли кто-нибудь забыл это: уход Е. Гайдара при сохранении в правительстве команды реформаторов и заверениях в неизбежности политики реформ; соглашение Б. Ельцина с Р. Хасбулатовым и голосование об «импичменте» съезда, взбешен-

«Импичмент» не прошел

ного тем, что жертва уходит из рук; «трехстороннее соглашение» по инициативе В. Зорькина, от которого через несколько дней начали отказываться сами его инициаторы, заявив, что их «бес попутал»; обращение президента к народу и его появление на Васильевском спуске вместе с новым премьером В. Черномырдиным. Для исторической оценки происшедшего в декабре важнее всего помнить о продолжении, имевшем место в апреле.

Настойчивые, раз за разом, обращения президента к народу сделали свое дело: депутаты были вынуждены назначить референдум. И решили превратить его в свое торжество, воспользовавшись правом формулировать вопросы. Знаменитый второй вопрос об одобрении социально-экономической политики казался безотказной ловушкой для президента не только его противникам, но и многим сторонникам. Отрицательный ответ на этот вопрос, мало у кого из депутатов вызывавший сомнения накануне референдума, должен был перечеркнуть положительный ответ на вопрос о доверии президенту, который также сомнения не вызывал.

Отчужденность депутатского корпуса и крайне правой оппозиции от народа объясняет их глубокое потрясение результатами референдума. Это была победа. И уж, конечно, самым сенсационным для них результатом референдума оказалась победа сторонников реформ во втором вопросе — едва ли не самая важная. И этот результат более, чем все прочие, требовал переосмысления и всего хода реформ. Конечно, в нем сказалось и простое политическое здравомыслие избирателей, разглядевших ловушку и не позволивших себя провести. Но сказалось и другое: россияне поддерживали теперь уже не только личность, не только президента, которому доверяли авансом, высоко оце-

нивая его политические поступки. Поддерживали теперь уже определенную экономическую политику и ее первые результаты.

Эти результаты можно оценивать с позиции специалиста, понимающего, что включение рыночных рычагов предотвратило распад хозяйственных связей, укрепило стимулы к производству, спасло денежную систему, создало предпосылки будущего выхода из кризиса. Но что могли оценивать большинство избирателей, не являющихся специалистами по экономическому анализу и не имеющих возможности оценить предпосылки подъема, который пока еще только маячит в тумане будущего? Вероятно, прежде всего одно: свободу действия для того, кто готов и хочет действовать. Действовать самостоятельно во имя своего блага, а не дожидаться, пока его облагодетельствует социалистический чиновник, который при всех «благоденствиях» для народа не забывал прежде всего себя.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвращение Е. Гайдара в правительство стало частью осеннего политического наступления президента на противников реформ, оно слилось в единый клубок с событиями, в центре которых оказалась октябрьская трагедия, когда Е. Гайдару неожиданно тоже пришлось сказать свое слово — отнюдь не в качестве экономиста. То слово вряд ли когда-нибудь сотрется из памяти — и не только у тех, кто пришел на площадь перед Моссоветом, но и у тех, кто провел ночь на четвертое октября перед телевизором где-нибудь далеко от Москвы. Однако сначала надо обратиться к событию, которое имеет самостоятельное значение: к самому факту возвращения Е. Гайдара в правительство после девяти месяцев отсутствия.

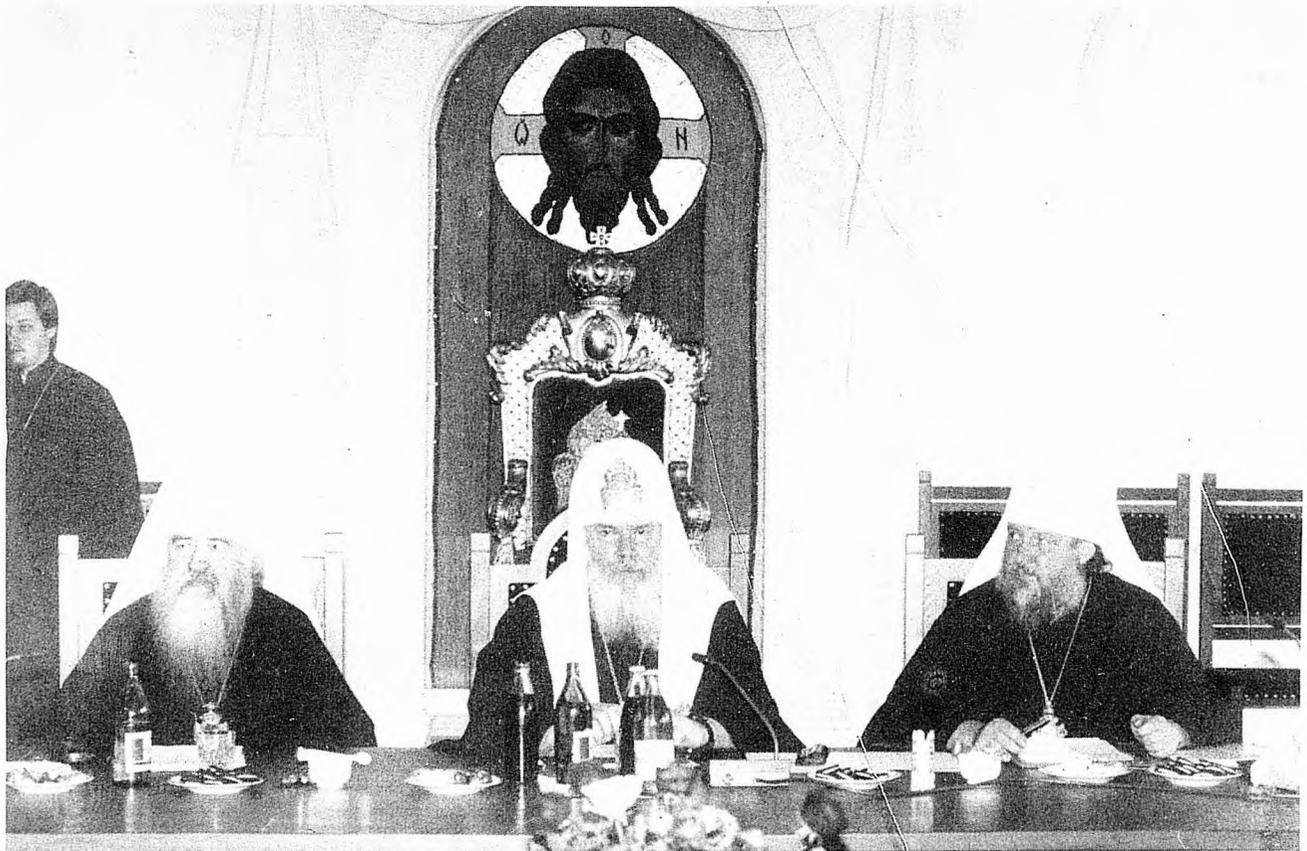
Время выбрало многих для свершения трудного дела российских реформ — прежде всего Б. Ельцина, а также многих из тех, кто его окружает, как и многих из тех, кто трудится вдали от него. И в команде ведущих экономистов-реформаторов не один Е. Гайдар, всем известны и другие имена. Но так уж случилось, что российский переход к рынку получил имя гайдаровских реформ. Это звучит тем убедительнее, что едва ли не первыми стали говорить о «гайдаромике» и гайдаровских реформах (отнюдь не вкладывая в эти названия похвального содержания) недруги Е. Гайдара и самих реформ. Поверим им — они знают, кого не любить. Но раз так, то тем интереснее понять, почему он, ушедший против своей воли, вернулся так скоро и тут же включился в упряжку, тянущую воз реформ — будто и не уходил.

Дело не в том, почему он лично согласился вернуться, хотя и такой вопрос ему был задан сразу же по получении известия о его назначении, и он на него ответил достаточно ясно: «Я не имел морального права отказаться от предложения президента, потому что си-

туация в экономике и финансах очень тяжелая, и какие-то политические расчеты сейчас просто неприличны». Это было сказано 17 сентября, еще не было не только октябрьского сражения, но и указа от 21 сентября, парламент не скрывал готовности изгнать его вновь, так что упоминание об ожидаемых трудностях было вполне обоснованным. Но важнее понять мотивы президента и премьера.

Известно, что предложение о возвращении в правительство исходило прежде всего от премьера В. Черномырдина. Известно также, что с этой идеей приходили к В. Черномырдину еще восемь месяцами раньше, почти сразу после ухода Е. Гайдара, но тогда премьер эту идею отверг. Что же произошло за восемь месяцев? Ответ прост: произошла попытка действовать иначе, нежели действовал Е. Гайдар. Не совсем иначе, не очертя голову, как на Украине, но все-таки попробовать соединить чисто денежное воздействие на народное хозяйство с прямой государственной поддержкой избранных производств. Оказалось, что с той тропинки, по которой пробиралось правительство Е. Гайдара, отступить в сторону можно лишь чуть-чуть — край финансовой пропасти совсем рядом, и к сентябрю 1993 года Россия уже находилась на этом краю. Попросту говоря, опыт подтвердил, что Е. Гайдар и его правительство проводили, пусть с ошибками, но не какую-то произвольную, а единственно возможную в сложившихся обстоятельствах политику. Ну а если уж признать правильной политику Гайдара и твердо вернуться к ней, то кто же сумеет сделать это лучше, чем сам Егор Гайдар, имеющий кроме всего прочего и опыт сложной борьбы, опыт поражений и побед.

В октябре Россия начала медленно, с трудом, отодвигаться от края экономической пропасти. Прежде чем

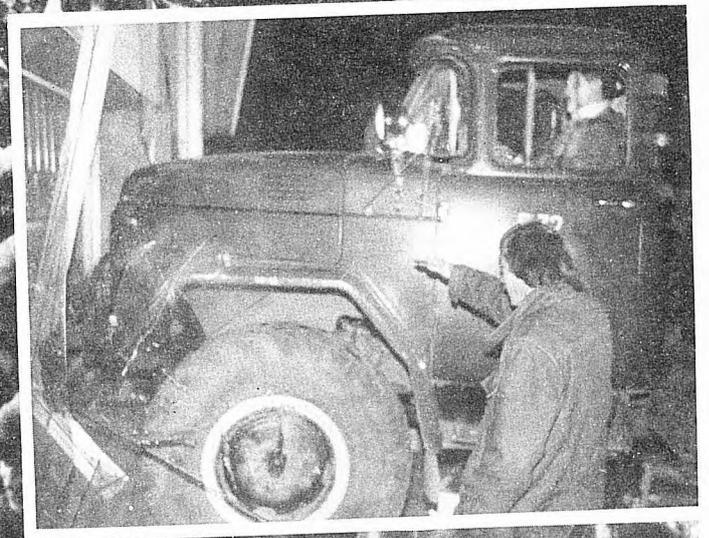
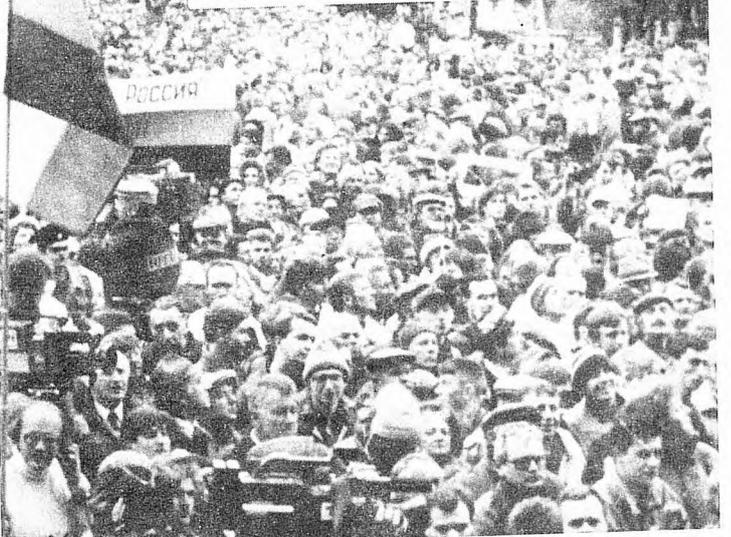
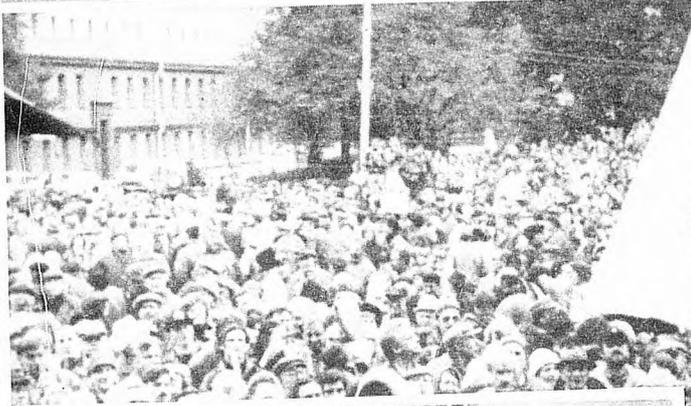
мента), всегда выше любого закона, принятого парламентом, в данном случае — конституции. Она была меньшим злом и в чисто практическом отношении, поскольку после апреля парламент блокировал не только продолжение реформ, но и вообще деятельность правительства даже по текущему управлению страной, что особенно наглядно отразилось в спорах о государственном бюджете. Такая обструкция вела к безвластию, которое могло кончиться гибелью всех основ государственности.

Политики, поддерживающие указ № 1400, исходили также из того, что он не уничтожает парламентаризм в России, а, наоборот, впервые по-настоящему создает его, назначая первые многопартийные и действительно свободные парламентские выборы. Именно на выборах могли отстаивать свою правоту и противники указа, получившие для своей агитации мощный аргумент в виде открытого признания президентом допущенного им на-

это произошло, ей суждено было заглянуть еще и в пропасть политическую, в пропасть гражданской войны.

До 3 октября было 21 сентября, указ президента о выборах в новый парламент. Е. Гайдар, член правительства и член Президентского совета, не мог не участвовать в дискуссиях, предшествовавших этому решению. В дискуссиях, участники которых прекрасно знали то, о чем сам президент потом сказал в обращении к народу, обосновывая свой указ: назначение выборов указом президента является нарушением действующей конституции, поскольку она дает это право только парламенту. Знали они и другое: у России в тот момент не было выбора между добром и злом — был только выбор между меньшим злом и большим. Неконституционная смена парламента была меньшим злом в правовом отношении, поскольку закон, принятый всем народом (итоги голосования на апрельском референдуме, где большинство участников высказалось за досрочные выборы парла-

рушения конституции. Но они предпочли решать вопрос не избирательными бюллетенями, а гранатометами, перешагнув Рубикон, за которым действуют уже иной политической язык, иные законы. Важно помнить, что именно они перешагнули этот рубеж.

В ночь на четвертое октября 1993 года Егор Гайдар взял на себя ответственность, далеко выходящую за рамки служебных обязанностей вице-премьера, ведающего экономикой. Его телеобращение к москвичам с призывом выйти на улицы и защитить демократию еще долго будет служить предметом споров, в которых даже его сторонники не единодушны. Имел ли он право звать за собой безоружных людей, на которых могли напасть вооруженные боевики? В ответе на этот вопрос ни «да», ни «нет» не могут быть ни полностью доказаны, ни полностью опровергнуты — такова уж природа вопросов о вероятных исторических альтернативах. Точно узнать, что было — и то уже хорошо, а что могло быть... Лучше ограничиться некоторыми аргументами, бесспорно заслуживающими внимания спорящих.

Главный из этих аргументов заключается в том, что основной задачей людей, собравшихся у Моссовета, была отнюдь не защита Кремля. Их задача была — показать колеблющейся армии, на чьей стороне народ. Надо было понять, что армия имеет право, имеет основания колебаться, даже может быть — обязана поразмышлять перед тем, как совершить противоестественный для нее шаг — поддержать одну из сторон во внутривластном конфликте. В августе колебания армии оказались спасительными. В октябре, когда счет времени пошел на минуты (страшно подумать, что было бы с Россией, если бы мятежники прорвались в эфир), надо было помочь военным понять, что на сей раз ситуация августа не повторяется — положение прямо противоположное. Едва ли можно было сделать это надежнее, чем сделал Е. Гайдар.

Он рисковал? Несомненно. Был ли риск обоснованным? История знает один ответ: случилось то, что случилось. Можно обсуждать, что было бы при менее удачном исходе — например, если бы столкновение демонстрантов с боевиками все же произошло. Но столь же правомерно поставить вопрос — что было бы, если бы москвичи не вышли на площадь? Весьма вероятно, что тогда многим из них пришлось бы защищать свои семьи на пороге собственных квартир.

В ту ночь Россия по-новому узнала многих россиян. Бойцов спецназа, отстоявших Останкино. Журналистов Российского телевидения и радио России, ни на минуту не прекративших свою работу, важнее которой ничего не было в те часы. Журналистов «Эха Москвы» (впро-

чем, их узнали еще в августе). По-новому узнала Россия и Е. Гаидара. Было известно и раньше, что он способен брать на себя ответственность за важные решения. Но все-таки — не в таких обстоятельствах, когда речь идет о жизни и смерти. Это важно знать, хотя больше всего хочется, чтобы такие испытания ни ему, ни всем россиянам больше не приходилось встречать. Так хочется верить, что впереди — только ступени к лучшей жизни. Хоть и знаем, что так не бывает, а хочется верить.

Отто ЛАЦИС.

Первый вице-премьер Правительства России

АВГУСТ — ОКТЯБРЬ: ВРЕМЯ ВЫБОРА

ISBN 5-87731-001-1

Текст **Отто ЛАЦИСА**

Редактор **Андрей СТОР**

Обложка **Павла ПИМЕНОВА**

Фотографы **Александр ГАЛКИН, Ян МАЙДАНЮК**

Издание осуществлено Издательской группой «Реформ-пресс»
(123290, Москва, Шелепихинская наб., 18-167)
при участии АКБ «Альфа-банк»

Издательская лицензия № 063046 от 8.10.93.

В книге использованы материалы Фотохроники ИТАР-ТАСС

© Издательская группа «Реформ-пресс», 1993

Сдано в набор 27.10.93. Подп. к печ. 31.10.93. Формат 60x90 $\frac{1}{8}$. Уч.-изд. л. 0,75.
Печ. л. 2,0. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 100 000. Заказ 412.

ТОО «Офсет Принт Москва»
(Москва, 1-й Красногвардейский пр., 1-а)

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
РЕФОРМ
Пресс

